

Константин Бальмонт

МАРЕВО

ПРОЩАНИЕ С ДРЕВОМ

*Я любил вознесенное сказками древо,
На котором звенели всегда соловьи,
А под деревом раскинулось море посева,
И шумели колосья, и плыли ручьи.*

*Я любил переклички, от ветки до ветки,
Легкокрылых цветистых играющих птиц,
Были древние горы ему однолетки,
И ровесницы степи и пряжа зарниц.*

*Я любил в этом древе тот говор вершинный,
Что вещает пришествие близкой грозы,
И шурианье листвы перекатно-лавинной,
И паденье заоблачной первой слезы.*

*Я любил в этом древе, с ресницами Вя
Между мхами, старинного лешего взор.
Это древо в веках называлось Россия,
И на ствол его – острый наточен топор.*

*7 сентября 1917
Москва*

К ОБЕЗУМЕВШЕЙ

Равномерно уходит дорога
Верстовые мелькают столбы.
Но забывшему правду и Бога
Не добиться красивой судьбы.

Мы отвергли своих побратимов,
Опрокинули совесть и честь.
Ядовитыми хлопьями дымов

Подойдет достоверная месть.

От весеннего Солнца потоком
Золотые излились лучи.
Что ж мы делали в свете широком?
Наряжали мы в плесень мечи.

По путям, городам, и деревням,
Разбросалась двуликая ложь.
С благочестьем порвавшая древним,
Ты куда же, к кому же придешь?

Покачнулась в решеньи неправом,
Опозорилась алость знамен.
И с штыком, от предательства ржавым,
Не достигнешь до славы времен.

Затуманенный лес обещен,
В нем от сглаза не видно ни зги.
По стволам выползают из трещин
Только гады, друг другу враги.

К неузнавшему голоса часа
Подойдет ужасающий час.
И какая есть в слове прикраса,
Чтоб зажегся потухший алмаз?

Нам от Севера холод и голод,
Изъязвился угрозами Юг.
Исполинский наш молот расколот,
Приближается бешенство вьюг.

9 сентября

А ТЕПЕРЬ

Ты любил глядеться в Небо голубое,
В зеркале лазурном утопая взглядом,
Ты видал там Бога. В час труда, и в бое,
Ты себя там видел с светлым Богом рядом.

Не принять умел ты роковые цепи,
Смело разбивал их, с злою силой споря.
Уходил далеко, за леса, за степи,
Доходил в стремленья до живого Моря.

А теперь? Куда же вековая сила
Вся в конец иссякла, мелководьем стала?
Не заплещет звонко молот у горнила,

Пламя разучилось ткать светло и ало.

И когда подходит час грозы и битвы,
И когда на отдых час зовет к уладам,
Нет порыва в сердце, нет в душе молитвы,
И не Бог с остывшим, Кто-то Темный рядом.

9 сентября

МАЯТНИК

Я не сплю, и размеренный маятник, в мрак,
Звуковой посылает мне знак.
И поет, заключая мгновения в счет,
Что минутное все протечет.

Проницая качаньем притихшую тьму,
Он сознанию твердит моему: –
«Ты ошибся во всем. Твой родимый народ,
Он не тот, что мечтал ты. Не тот».

И в глубоком сознании я должен молчать,
В этом говоре – суд и печать.
Не одни только сказки и песни и мед,
Сердце полную правду возьмет.

Не принять обвиняющий голос нельзя,
Через совесть проходит стезя.
И правдивую мысль та тропинка пошлет
Через пламя и бурю и лед.

Я любил на заре, я томился весной,
Причастился я песни родной.
Как случилось, что тот, кто так звонко поет,
Так бесчестно свой край предает?

Я от детства любил безрассудный размах
Тех, чье сердце отбросило страх.
Как же отдан врагу укрепленный оплот,
И трусливый лукавит и лжет?

Бесконечная ширь. К полосе полоса,
Протянулись поля и леса.
Но окликни всю Русь. Кличь всю ночь напролет,
И на помощь никто не придет.

Там над ямою волчьей ощерился волк,
Человек в человеке умолк.
И петух скоро в третий уж раз пропоет: –

«Твой родной, он не тот. Он не тот».

12 сентября

ХИМЕРА

Облитая кровью жертв самосуда,
Не с млеком, а с ядом взрастившая вымя,
На вече народов пришла ты откуда
И в шайке предателей как тебе имя?

На честных немногих толпой нападая,
Взамен правосудья принесшая ломы,
Комолая, грузно и слепо бодая,
Какие еще ты готовишь погромы?

Петух красноперый над мыслью и кровом,
Смешенье всех ликом в уродстве зверином, –
На зов благочестный ответишь ты ревом,
Ты, с бешенством бычьим и с духом ослиным.

Вспоенная кровью, поящая лжами,
Ты будешь, как только исполнится мера,
В глубокой, тобою же вырытой, яме,
Из чада нешедшая, призрак-химера.

19 сентября

ЗЛАЯ МАСЛЯНИЦА

Западни, наветы, волчьи ямы,
Многогласен лживый, честный нем.
Разве есть еще в России храмы?
Верно скоро сроят их совсем.

Подбоченясь, ходит дух горбатый,
Говорит: «Смотрите, как я прям».
И, забыв сражение, солдаты
По словесным бродят лезвиям.

Ряженный, гуляет темный кто-то,
Вслед за ним идут, оскалая рты,
Все, кому одна теперь забота: –
Сеять злое семя слепоты.

Вырвалось наружу из подполья

Полчища ликующих личин: –
Леность, жадность, свара, своеволие,
Точат нож, и клин вбивают в клин.

Дьяволы, лихим колдуя сглазом,
Напекут блинов нам на сто лет.
Разве есть еще в России разум?
Разве есть в ночи хоть малый свет?

19 сентября

Я ЗНАЛ

Я знал леса, озера, и долины
Как сон великой истовой страны,
В ней были дни, достойные былины,
В ней были чары Солнца и Луны.

Я знал поля, желтеющие рожью,
Высокий труд, правдивые слова,
Я проходил, и видел – к придорожью
Везде склонялась свежая трава.

Я знал людей, их мерные движенья
С теченьем звезд в один слагались лад,
В глазах детей светилось отраженье
Цветов полей, и тех, что красят сад.

В смиренных днях дышала святость духа,
Свобода самородного ума,
И столько песен было чарой слуха,
Как будто это пела жизнь сама.

Я знал любовь к таинственному краю,
Где жертвы были сладостью сердец,
И вот с какой теперь я болью знаю,
Что самой яркой сказке есть конец.

Среди своих как быть мне иноверцем?
Густая ночь, укрой, спаси от дня,
Нельзя дышать, ни жить с пробитым сердцем,
Нет больше в мире братьев у меня.

22 сентября

ПОСЛЕДНЯЯ ТКАНЬ

Последняя ткань золотого ковра,
Последнее зарево осени красной,
Пред жертвой, холодной, жестокой, ненастной,
Пред вражьей минутой, твердящей: «Пора!»

Ты был светлоликим, недавно, вчера.
Весной не расслышав Пасхальное слово,
Что сможешь разведать от дня ледяного,
С кем будешь, и как, проводить вечера!

23 сентября

ОСЕНЬ

Скрыта вся земля туманами,
Наливными, водопьяными,
Будет ливень, будет грязь,
Меж сердец порвется связь.

Листья, бывшие богатыми,
Пали судорожно-смятыми,
В жестком ветре чуть жива
Помутневшая трава.

За истекшими минутами
Глянуть вьюги, станут лютыми,
Все, кто сеял в мире ложь,
Встретят в днях седую дрожь.

24 сентября

СНЯЩИЙСЯ ЦВЕТОК

Я родился в цветущем затишьи деревни,
Над ребенком звездилась лазурью сирень,
На опушке лесной, светлоюной и древней,
И расцвел и отцвел мой младенческий день.

Не отцвел, – лишь, светясь, перешел в перемену,
За цветами – цветы, к лепестку – лепесток,
Опьяняющий ландыш влюбляет вервену,
Васильки словно песнь из лазоревых строк.

На прудах расцветали, белея, купавы,
В их прохладные чаши запрятался сон,

И качали мечту шелестящие травы,
 Был расцветом мой полдень сполна обрамлен.

Я позднее ушел в отдаленные страны,
 Где как сталь под Луной холодеет магей,
И цветет булава, ест цветы как тимпаны,
 Как змеиные пасти ряды орхидей.

Я узнал, что цветы не всегда благочестны,
 Что в растениях убийственный помысл глубок.
Но в Змеиных Краях мне не цвел неизвестный,
 Мне приснившийся, снящийся, жуткий цветок.

Лепестковый кошмар, лепестками обильный,
 Окровавленной чашей раскрылся во сне,
А кругом был простор неоглядный и пыльный,
 И чудовищный рев был подобен волне.

На несчетности душ выдыхает он чары,
 Захмелевший, тяжелый, разъятый цветок,
Чутьдохнет, меднокрасные брызнут пожары,
 И пролитая кровь – многодымный поток.

Эта сонная быль, чаша полная гуда,
 Смотрит тысячью глаз и стоит предо мной,
Из садов Сатаны к нам восползшее чудо,
 И как мед там внутри – заразительный гной.

29 сентября

РОССИЙСКАЯ ДЕРЖАВА

Российская Держава,
 Где все твое величье?
Корабль твой старый «Слава»
 Разбит и утонул.
Твои войска бессильны,
Умы и души пыльны.
 Ты в топах безразличья.
 Твой блеск – далекий гул.

Российская Держава,
 Была ты первой в мире,
Страдая величаво
 В своих стесненных днях.
Но вот разъялись хляби,
И лик взяла ты рабий.
 Упившись в диком пире,
 Проснешься – вновь в цепях.

Российская Держава,
Твой краткий сон – свобода.
Но кто желает права,
Тот должен помнить долг.
А дикость своеволья
Лишь малый миг раздолья.
Нет правды у народа,
И голос воли смолк.

6 октября

ВОРОЖБА МЕСЯЦА

Месяц бледный ворожил рядами теней,
Тень за тенью, призрак призраком гоним.
И какой-то бледный голос давних дней
Говорил: «Убита птица дней, Стратим».
Тень за тенью проходила без конца.
Всем родимая покоилась в гробу.
Возникали в миге – страх и зыбь лица,
И творил холодный Месяц ворожбу.
Безглагольная раскинулась страна.
Над безгласной, – злой и властный Чародей.
Но невольница смеялась, как весна,
Что во сне провидит волю близких дней.
Безглагольная проснулась вдруг вся даль.
Но невольница в весне не знала слов.
Праздник воли быстро вырастил печаль.
От души к душе глубокий рухнул ров.
Звон возник, и обнял благовест всю ширь,
Но мгновенно оборвалось пенье птиц.
И кривым крылом шарахнул нетопырь.
И пошли гулять разбеги огневиц.
Обезумленная пьяная раба
С головы шальной отбросила венец.
Не согрелась на пожарище изба,
Из разбоя не скуешь златых колец.
Тень за тенью. – Что ты сделал? – Я бежал.
И чтоб совесть успокоить, я убил. –
Пред лицом врага он смиренно-тих и мал,
С беззащитной у него довольно сил.
Кровь за кровью. – Что ты сделал? – Я поджег.
И под стоны я плясал, плясал, плясал. –
Разум всей страны глубоко занемог.
Будет черным цвет, что был чрезмерно ал.
Птица вольности великая, Стратим.
У нее от моря к морю два крыла.
Дни сожженные – слепой и едкий дым.

Птица радости убита. Жизнь прошла.

6 октября

СЕДАЯ НОЧЬ

Охватной ошупью ползет седая ночь,
Гася, то тут, то там, ликующие пятна
Последних пламеней, и тает безвозвратно
Древесных яхонтов живая узорочь.

Под утро встанет вихрь, и все их сбросит прочь.
Не верится, что май дышал здесь ароматно,
Что зацвечал июнь, что август благодатно
Всем самоцветам дал играющую мочь.

Узорный дом молчит. Покой его могилен.
Воспоминания попрыгали в углах.
Но крайней алости еще придет размах.

Синь-пламень дьявольский в сердцах незрячих силен
И красный ждет петух, чтоб вдруг завихрить страх.
Глазами круглыми уж с ним стакнулся филин.

8 октября

УПРЕКАЮЩЕМУ МЕНЯ

Может быть, судить я вовсе недостоин,
Может быть, что гнев совсем не мой удел,
Сладкопевец я, создатель дум, не воин,
Штык не поднимал, в окопах не сидел.

Может быть, ты прав: Красивее величье,
Помнить высоту, и все прощать в других.
Быть как Океан, в пустыне безразличья
Накоплять волну, роняя в Вечность стих.

Нет, я не могу, в зеркало покоя,
Не смотрясь в него, роняю – вот – разбил.
Миллионы душ в тисках огня и зноя,
Петь, как раньше пел, сейчас нельзя, нет сил.

Не судить хочу, но только всею болью
Раненой души я должен восстонать,
Что постыден тот, кто к своему раздолью

Допустил врага, не защищая Мать.

Каждому из нас таинственная Пряха
Выпрядет удел. Но знаю лишь одно: –
В Море я тонул, не ощущая страха,
Океан решил – не взял меня на дно.

Смерти пожелав, измерил высоту я,
Ясный, падал вниз, бросая мир людской.
Рок так пожелал, что здесь напевы тку я,
Но пишу стихи я сломанной рукой.

Рок пошлет в огонь, – и ринусь я с размаха,
Ибо не пойму, как можно трусом быть.
Знаю острие единого лишь страха: –
Страшно низким стать, и сердце ослепить.

Так пойми же ты, что сердце в них слепое,
В тех, кто не хотел за свой вступиться Дом.
И они себя слепят еще и вдвое,
Отрекаясь быть с им посланным крестом.

12 октября

КРОВЬ И ОГОНЬ

И покажу чудеса на небе вверху,
И знамения на земле внизу...

Деяния Апостолов, гл. 2; 19

Кровь и огонь и курение дыма
Вам предвещали святые апостолы.
Вы оставались тупыми и черствыми,
Все предвещанья вменяя лишь в дым.
Чаша блаженства мелькнула – и мимо.
Ваша гортань от поджога палима.
Предали Мать. Над заветом седым
Пляшете, в дикие бьете тимпаны.
Бубните в бубны. Вы сыты и пьяны.
Мчится комета. За ней! Улетим!
Мы торжествуем. Смотрите: – Румяны.
Наши румяна нам бес приготовь.
Здесь мы румянимся в братскую кровь!

Или Луна не бывает кровавой
В час как из рощи выходит со славой?
Самое Солнце в своем терему
Разве не спит, все укутавшись в тьму?

Темны вы? Душу сильнее темните,
Красны вы? Тките кровавые нити.
Петлями белые шеи стяните.
Бубните в бубны, средь стынувших стран,
Миг торжества всем отступникам дан.

Только запомни, – ты стар или молод, –
Плата измены – презренье в веках.
В снежных равнинах крадется к вам голод,
Плахи возрастают в дремучих лесах.
С неба низвергнется огненный молот,
В пляшущем пляшет не песня, а страх.

Бездна разъятая ненасытима,
Прежде чем месть не восстанет на месть.
В хворост затоптана древняя честь,
В хворосте искра глубоко хранима.
Брызнет. Уж брызнула. Мертвые, мимо
Мнимо-живых, – посмотри, их не счесть, –
Вырвались. Мчатся. Их мощь нерушима.
Знаменье всем вам, вас сколько ни есть: –
Кровь и огонь и курение дыма.

28 декабря

В СИНЕМ ХРАМЕ

И снова осень с чарой листьев ржавых,
Румяных, алых, желтых, золотых,
Немая синь озер, их вод густых,
Проворный свист и взлет синиц в дубравах.

Верблюжьи груды облак величавых,
Увядающая лазурь небес литых,
Весь кругом, размерность черт крутых,
Внесенный свод, ночами в звездных славах.

Кто грезой изумрудно-голубой
Упился в летний час, тоскует ночью.
Все прошлое встает пред ним воочью.

В потоке Млечном тихий бьет прибой.
И стыну я, припавши к средоточью,
Чрез мглу разлук, любимая, с тобой.

*1 октября, 1920
Париж*

ОТТОГО

Отчего ты среди ликованья печален?
На полях, как и прежде, голубеет лен,
И качаются светлы лесных прогалин.
– Оттого, что я с милой моей разлучен.

Отчего ты как осень томительно-скучен?
За разлукой свиданье – достоверный закон.
Много в мире есть рек, уводящих излучин.
– Оттого, что я слышу задавленный стон.

Отчего ж ты не веришь в творящие грозы?
За раскатами грома – зеленая новь.
– Оттого, что мне сердце обрызгали слезы,
Оттого, что мне в душу добрызнула кровь.

8 октября

ИЗ НОЧИ

Я от детства жил всегда напевом,
Шелестом деревьев, цветом трав,
Знал, какая радость, над посевом,
Слышать гул громов и шум дубрав.

Видеть честность лиц, когда упруго
Жмет рука надежную соху.
Слышать, сколько звуков в сердце друга,
Волю мчать по звонкому стиху.

В поле ячменей светловолосых
Видеть знак достойного труда.
Путь иной – ходить в кровавых росах,
Знак иной – багряная звезда.

Час иной – когда все люди звери,
И от сердца к сердцу нет дорог.
Я не знал, какой дождусь потери,
Этого предвидеть я не мог.

Я не знал, что все дожди не смоют
Ржавчины, упавшей на поля,
Люди строят, духи тоже строят,
В мареве родимая земля.

Я смотрю на ночь из кельи тесной,

Без конца проходят облака.
Где мой день святыни благочестной?
Где моя прозрачная река?

Я смотрю на мир в окно чужое,
И чужое небо надо мной.
Я хочу страдать еще хоть вдвое,
Только б видеть светлым край родной.

Слышу, в сердце лед разбился звонко,
Волны бьются, всплески жалоб для.
Мать моя, прими любовь ребенка,
Мир тебе, родимая земля.

8 октября

УЗНИК

В соседнем доме
Такой же узник,
Как я, утративший
Родимый край,
Крылатый в клетке,
Сердитый, громкий,
Весь изумрудный,
Попугай.

Он был далеко,
В просторном царстве
Лесов тропических,
Среди лиан,
Любил, качался,
Летал, резвился,
Зеленый житель
Зеленых стран.

Он был уловлен,
Свершил дорогу,
От мест сияющих
К чужой стране.
В Париже дымном
Свой клюв острит он
В железной клетке
На окне.

И о себе ли,
И обо мне ли,
Он в размышлении,
Зеленый знак.

Но только резко
От дома к дому
Доходит возглас: –
«Дурак! Дурак!»

9 октября

ЗВУК

Тончайший звук, откуда ты со мной?
Ты создан птицей? Женщиной? Струной?
Быть может, Солнцем? Или тишиной?

От сердца ли до сердца свеян луч?
Поэт ли спал, и был тот сон певуч?
Иль нежный с нежной заперся на ключ?

Быть может, колокольчик голубой
Качается, тоскуя сам с собой,
Заводит тяжбу с медленной судьбой?

Быть может, за преградою морей,
Промчался ветер вдоль родных полей,
И прошептал: «Вернись. Приди скорей».

Быть может, там в родимой стороне
Желанная томится обо мне,
И я пою, в ее душе, на дне?

И тот берущий кажущийся звук
Ручается, как призрак милых рук,
Что верен я за мглою всех разлук.

9 октября

ЗАВТРА

Как тот, кто спит под низкой крышкой гроба,
Но слышит все, чем полон мир земной,
Я знаю все, сполна передо мной
Земная разверзается утроба.

В веках должны вскипать вражда и злоба,
В твореньи – мед, в твореньи также гной,
И им черед обоим быть волной,
Есть Бог, есмь я, мы существуем оба.

Главенствует какая из примет?
Ормузд лучистый? Полночь Аримана?
Я строю город около вулкана.

Строительству иного места нет.
Я сброшу саван завтра утром рано,
И вьюги заметут старинный след.

14 октября

ТОЛЬКО

Ни радости цветистого Каира,
Где по ночам напевен муэzzин, –
Ни Ява, где живет среди руин,
В Боро-Будур, Светильник Белый мира, –

Ни Бенарес, где грозового пира
Желает Индра, мча огнистый клин
Средь тучевых лазоревых долин, –
Ни все места, где пела счастью лира, –

Ни Рим, где слава дней еще жива, –
Ни имена, чей самый звук услада,
Тень Мекки, и Дамаска, и Багдада, –

Мне не поют заветные слова, –
И мне в Париже ничего не надо,
Одно лишь слово нужно мне: Москва.

15 октября

ПО ВСХОДАМ

Я не верю в черное начало,
Пусть праматерь нашей жизни Ночь,
Только Солнцу сердце отвечало,
И всегда бежит от тени прочь.

Я не верю. Нет закона веры.
Если верю, знает вся душа,
Что бессильны всякие примеры,
И что жизнь в основе хороша.

И сегодня будет час заката,

И сегодня ночь меня скует,
Но красивы волны аромата,
И цветок в ночи готовит мед.

Если камень вижу я случайно,
И его окраска холодна,
Знаю я, что волшебствует тайна,
Лишь ударь, и искра в нем красна.

Если скажут: Солнцу быть не вечно,
Есть конец и солнечной игры,
Я взгляну, полнеба светит млечно,
Там миры баюкают миры.

Нам даны ступени темных лестниц,
Чтоб всходить к горнилу всех лучей,
Все минуты мчатся с ликом вестниц,
В новом восходе будешь петь звончей.

Снова будем в ласковом тумане,
В радости узнать начальный час,
И нашепчет голос старой няни
Вечно-торжествующий рассказ.

16 октября

РАНЕНЬИЙ

Свет избавляющий, белый Христос,
С красною розой в груди.
Вспомни меня в колдовании гроз,
Вспомни меня и приди.

Левую руку прибили гвоздем,
Правую руку другим.
Ранили сердце, и пламени в нем,
Не к кому крикнуть: «Горим!»

Все мои братья убийства хотят,
Братья на братьев с ножом.
Каждое слово – сочащийся яд,
Что мы ни скажем, солжем.

Красное зарево зыбится там,
Белое марево тут.
Как же найти мне дорогу к цветам?
Бешенством дни не цветут.

В рваных лохмотьях, в дыму без конца,

Бьется ослепшая Мать.
Страшны личины родного лица,
Жутко забыть благодать.

Вызови влагу, ударив утес,
Верный расцвет возроди.
Сын к тебе тянется, белый Христос,
С красною раной в груди.

6 ноября

ВСТРЕЧА

Ты подстерег меня в минуту крайней пытки,
Когда один, душой, я с небом говорил,
А листья падали, и золотые свитки
Ложились на земле пред усыплением сил.

Ты подстерег меня, как добрый брат, который
Увидел издали тоскующую тень.
А осень зыбила предзимние уборы,
И был нам братский миг – души к душе ступень.

Зиме судьба дала красивого предтечу: –
Мгновенье тишины, пришедшей в должный срок.
Я светлую росой обрызгал нашу встречу,
И отдаю тебе осенний мой цветок.

6 ноября

С КЕМ?

С кем мне говорить? С неверным иноверцем?
С ним, кто сеет смерть, пожар по городам?
Нет, с одним моим пустынно-нежным сердцем,
Сердца моего врагу я не отдам.

С кем же говорить? С слепцом? С единоверцем?
С ним ли, кто Судьбой уловлен в западню?
Нет, с одним моим, тоской сожженным, сердцем,
Сердцу моему вовек не изменю.

7 ноября

МЕЖ ЧЕТЫРЕХ ВЕТРОВ

Бесконечны снежные поляны,
Горы, степи, хмурые леса.
Ах, я знаю солнечные страны,
Видел голубые небеса.

Индия, Ниппон, Самоа, Ява,
Знавший Фараонов, мощный Нил,
Обо всем, что в мире величаво,
Я любовно память сохранил.

Есть повсюду праздники живые,
Вольный путь свершает красота.
Но страна, где я любил впервые,
Более не прежняя, не та.

Разломилась гордая твердыня,
Разорвалась радостная связь,
Где цвели просторы, там пустыня,
Где был труд, там брызжет кровь и грязь.

Умерли. Замучены. Убиты.
Или смотрят в мерзлое окно.
И Луна струит им хризолиты,
Но смотрящий стынет, пал на дно.

Где моя любимая? Жива ли?
Все ли в мыслях ласковых со мной?
Я в соленых брызгах, в диком вале,
Он напрасно встал над глубиной.

Я был каплей между капель водных,
Строивших приливную волну.
Праздник душ среди пространств раздольных,
Он ушел в какую же страну?

Совершилось древнее заветье: –
К четырем ушедшие ветрам,
Косо друг на друга смотрят братья,
Горе тем, кто свой оставил храм.

Мне нигде нет в мире больше места,
В каждом миге новый звон оков.
Приходи же Белая Невеста,
У которой много женихов.

Но доходит голос издалека: –
«Подожди, не твой еще черед,
Путь свершай, не упреждая рока.
Белая Невеста всюду ждет».

Хватит ли последнего усилия
Подойти к заветному ключу?
Из тоски скую себе я крылья,
И к желанным в бездну улечу.

14 ноября

ЖУТЬ

Снежный сон от края и до края
Безоглядно стынувшей страны.
Кто-то ходит, кровью окропляя
Бесконечность белой пелены.

Чья-то тень, огромна и безлика,
Сеет в снеге красные цветы.
Вырастут они, и смотрят дико
В холоде взметенной темноты.

Отцветут, и лепестков багряных
Много на запятнанном снегу.
Пляшет вьюга. Свищет в плясках пьяных.
Я смотрю. Я жду. Я стерегу.

Знаю. Это час для привидений.
Но Луна, узнавшая ущерб,
Ждет своих назначенных мгновений,
Выточит для оборотня серп.

Голову у оборотня срежет,
Выпустит еще свою метель,
Хлопья снега нового разнежит,
Всюду будет белая постель.

Вся земля задремлет в сне залятом,
Чтоб весной, взглянувши в небосклон,
Прошептать, упившись ароматом: –
«Я спала. Мне снился страшный сон!».

14 ноября

ДВУМ

Ты золотая хризантема,
И черный ирис – милый твой.

Мое живое сердце немо
От тяжелой скорби мировой.

Вы оба к нежному расцвету
Раскрылись ласковой душой.
Но я устал бродить по свету,
Мне грустно в радости чужой.

Ты золотая хризантема,
И дружны в цвете два цветка.
Но мыслям тяжело от шлема,
В усталом воине тоска.

Прошли веселые ловитвы,
Умолк мой звучный гордый рог.
Я лишь обломок долгой битвы,
В которой победить не мог.

19 декабря

В ЧУЖОМ ГОРОДЕ

Нарядный город, бывший торжеством,
Стал рамою исчезнувшей картины,
Где был поток, ленивый глянец тины,
И смерть везде, где был огонь в живом.

Гроза пришла. Такой был гул и гром,
Что все упали наземь властелины.
И руки убивали. Гнулись спины.
Хребты ломались. Разум пал ничком.

Взыграла ярость пламени и дыма,
И все свое народ мой сжег в огне.
Сто миллионов – в пропасти, на дне.

Но кликнут к Богу, как пойдет Он мимо.
В моей стране беда неисчислима,
К твоей стране беда идет вдвойне.

19 декабря

ЗВЕЗДНАЯ ПЕСНЯ

Где больше жертвы и беды,
Там ближе к правде дух.

Огонь единственной звезды
Узнал с земли – пастух.

Где беспредельна нищета,
Там слышит песню слух.
И в мире выросла чета,
Встает второй пастух.

Где свет в душе, там кроток вздох,
Мечтает сердце вслух.
С звезды глядит на землю Бог,
И третий встал пастух.

Дрожит глубокий небосклон
От лучевой игры.
И в скудных яслях дышит Он,
Кто поведет миры.

В предельной бездне взвевя страх,
Мрак, смотрит из норы.
Но в них, в притихших пастухах,
Грядущие миры.

С звезды к душе хрустальной звон,
Так ключ бежит с горы.
Кто верит, с теми вечно Он,
В Ком жизнь и все миры.

22 декабря

В МЕТЕЛИ

Я шел и шел, один, в снегу.
Еще живу – с какой же целью?
На чуждом диком берегу,
Свистящей схваченный метелью,
Иду, и больше не могу
Вверяться цепкому морозу.

Но вдруг, на взвевянных снегах,
Я алую увидел розу.
Чья кровь на этих лепестках?
Чья мысль? Чья жизнь? И сон? И страх?
Какой души долготерпенье
Дождалось вьюжного цветенья?
Не знаю. Но в чужом краю
Всем тем, кто сердцем любит пенье,
Я эту розу отдаю.

22 декабря

ЧАСЫ

1

Мне говорила мать моя,
Что в том едином первочасьи
Не закричал родившись я,
А был в таинственном безгласьи.

Мой первый час – не первый крик,
А первый долгий миг молчанья,
Как будто слушал я родник,
Напев нездешнего звучанья.

И мать сказала: «Он умрет».
Она заплакала невольно.
Но жив, живет певучим тот,
Кто тайну слушал безглагольно.

2

В саду многоцветном, в смиренной деревне,
Я рос без особых затей.
Не видел я снов о волшебной царевне,
И чужд был я играм детей.
Я помню, любил я под Солнцем палящим
Один приютиться саду.
Один по лесным пробирался я чащам,
Один я смотрел на звезду.
За ласточкой быстрой, воробушком, славкой,
Следил я, прищулив глаза.
Был каждой утешен зеленою травкой,
И близкой была стрекоза.
И счастье большое – смотреть у забора,
Как ящериц серых семья
Купается в солнце, не видя дозора,
Любил и не трогал их я.
И радость большая – увидеть, как утки
Ныряют в пруду пред грозой.
Услышать, что вот в грозовом первопутке
Громовый разносится вой.
Под первые брызги дождя золотого
Подставить, так жадно, лицо.
Искать под березой неверного крова,
Хоть вон оно, близко крыльцо.
Часы голубые в лазоревой шири

Скопили минуты гурьбой.
Им молния – стрелки, и тучи им – гири,
И гром был им – радостный бой.

3

Лежать в траве, когда цветет гвоздика,
И липкая качается дрема.
Смотреть, как в небе сумрачно и дико
Растут из шаткой дымки терема.

Узнать, что в юном сердце есть хотенье,
Истома, быстрой крови бьется жгут.
Она. Она. С ней праздник, полный рденья,
Безумный танец бешеных минут.

Жестокость золотого циферблата.
О, Солнце! Заходи. Придет она.
Весь разум взят, все сердце жаждой взято.
Секунды бьются в пропасти без дна.

Они поют, и в каждой – боль пронзенья.
Хочу. Люблю. Где Солнце? Ночь уж тут.
Луна горит. В ней правда вознесенья.
Я сжат кольцом томительных минут.

Он острый, край серебряного круга.
И мгла кругом. В цвету небесный куст.
Я царь всего от Севера до Юга.
Огонь в огонь. Уста до алых уст.

4

Тик-так. Тик-так. Часов карманных
Проворен лепет близ постели.
Красива сказка снов желанных,
Красив и вой слепой метели.

Не так, не так правдивы струи,
И все цветные ткани жизни,
И все немые поцелуи,
Как всплеск рыдания на тризне.

Тик-так. Тик-так. Храни ребенка,
Который в сердце помнит детство.
Но Хаос жив, и кличет звонко,
Что вечно темное наследство.

Не так, не так тебя ласкало
Твое мечтанье и желанье,

Как жалит, в полночь жизни, жало.
Тик-так. Тик-так. Люби изгнанье.

5

Полночь бьет. Один я в целом мире.
Некому тоску мою жалеть.
Все грозней, протяжнее и шире,
Бой часов, решающая медь.

Безвозвратно кончен день вчерашний.
Воплотился в яви жуткий сон.
С веховой высокой грозной башни
Бьет набат, в пожаре небосклон.

Полночь ли, набат ли, я не знаю.
Прозвучал двенадцатый удар,
Бьют часы. И я к родному краю
Рвусь, но не порвать враждебных чар.

Кровь моя – секунда в этом бое.
Кровь моя, пролейся в свет зари.
Мать моя, открой лицо родное.
Мать моя, молю, заговори.

29 декабря

ОСТЫВШИЙ ГОРОД

Красивый город с тысячью затей,
В свой час узнавший ночь Варфоломея,
Не с Богом ты, но весь в извилах Змея,
И любишь игры чувств, как чародей.

В марионетки превратив людей,
За громом битв ослепнув и немея,
Изящная холодная каменя,
Ты только призрак жизни и страстей.

Уж много бурь среди этих улиц стройных
Промчалось в протяжении веков,
И больше не создашь ты новых слов.

Лишь много новых служб заупокойных
Узнаешь ты, когда, разъявши ров,
К тебе придет скрещенье двух ветров.

30 декабря

НЕИСТРЕБИМОЕ

Золотая разливная спелая рожь,
Перекличка зарниц в захмелевшем июле,
Пересветы серпов, – это правда, не ложь,
Эта правда жива и в безумном разгуле.

Не однажды пропетый зеркальный затон,
Под ракетами речка в сквозистом тумане,
На опушке цветы, – это явь, а не сон,
Это клад, что горит и во мгле испытаний.

Шелестящий овес, бородатый ячмень,
И протяжная песня вон там за холмами,
И живой поцелуй, – это будущий день,
Это вольные птицы над нами и с нами.

И о чем ни вздохнешь, и куда ни пойдешь,
И в какие бы страны ни кинут Судьбою,
Только то, что твое, только это не ложь,
Если грустно, приходи, только я успокою.

30 декабря

ПРОСВЕТЫ

Блеснув мгновенным серебром,
В реке плотица, в миг опаски,
Сплетет серебряные сказки.

Телега грянет за холмом,
Домчится песня, улетаая,
И в сердце радость молодая.

И грусть. И отчий манит дом.
В душе растает много снега,
Ручьем заплачет в сердце нега.

И луч пройдет душевным дном,
И будешь грезить об одном,
О несравненном, о родном.

30 декабря

КРАСНОЕ МОРЕ

Через Красное море летят перелетные птицы,
Удаляясь от смутной страны,
От родимых болот, от лесов, от села, от станицы,
От родной тишины.

Сколько серых и белых и черных тех крыльев усталых,
Точно в страхе жестоких погон.
А закат им бросает сияние отсветов алых,
Распалив свой огонь.

И замучены долгим усиьем, измяты ветрами,
И пути не предвидя конца,
Эти птицы становятся красными в облачной яме,
От игры багрянца.

Долетят ли? Одни долетят. А другие в просторе
Упадут, утомясь вышиной.
И в подвижном костре неоглядное Красное море
Захлестнет их волной.

30 декабря

СОН

На лбу холодном был мертвый венчик,
И хор церковный гудел, как гром.
Но вдруг далеко запел бубенчик.
Я встал из гроба. Смотрю кругом.

Пустырь. Пустыня. Равнины. Степи.
Горят деревни и города.
Но я не мертвый. И я не в склепе.
Я звук. Я песня. Я жуть. Беда.

Я мчусь на тройке, той самой, буйной,
Что вещей Гоголь пропел векам.
И ветер веет. Он многоструйный.
Коням дорогу. Все в мире нам.

По ровной глади, по косогорам,
Куда ни мчаться, мне все равно.
И колокольчик напевом спорым
Меня уводит. На высь? На дно?

30 декабря

СНЫ

Закрыв глаза, я вижу сон,
Там все не так, там все другое,
Иным исполнен небосклон,
Иное, глубже дно морское.

Я прохожу по тем местам,
Где никогда я не бываю,
Но сонно помню – был уж там,
Иду по туче прямо к краю.

Рожденье молний вижу я,
Преображенье молний в звуки,
И вновь любимая моя
Ко мне протягивает руки.

Я понимаю, почему
В ее глазах такая мука,
Мне видно, только одному,
Что значит самый вскрик – разлука.

В желанном платье, что на ней,
В одной, едва заметной, складке,
Вся тайна мира, сказка дней,
Невыразимые загадки.

Я в ярком свете подхожу,
Сейчас исчезнет вся забота.
Но бесконечную межу
Передо мной раскинул кто-то.

Желанной нет. Безбрежность нив.
Лишь василек один, мерцаю,
Поет чрез золотой разлив
Там, где была моя родная.

31 декабря

ПЕРЕСВЕТЫ

Душиста нежная мимоза
В своем цветеньи золотом.
Но где-то срывный хруст мороза
И желтый Месяц надо льдом.

Я пью вино, и все мне мало.
Но вдруг шепнет моя душа,
Что в жилах кровь мерцает ало
И жертва Богу хороша.

Я тайно взят растущим сглазом,
Мне бич – пьянящая струя.
Но в ужаснувшийся мой разум
Не в силах заглянуть друзья.

И в миг, когда они как птицы,
Но с птицей дикой и чужой,
Ликует пламя огневицы
Перед разъятою душой.

Недуг владеет слабым телом.
Но дух – в своем. И видно мне,
Как я с лицом спокойно-белым
Безгласно прислонен к стене.

И внятно кличут где-то льдины,
Что все вмещу я в мысль мою,
Но лишь не призраки чужбины,
А жизнь и смерть – в моем краю.

8 января. 1921
Париж

КАПЛИ

По водосточной трубе стекая,
Уходит капля, за ней другая,
С высот сорвавшись, перебегая,
 Стекают вниз.

Они блистали росой алмазной,
Они блуждали дорогой связной,
И вот с землею, намокшей, грязной,
 Упав, слились.

Их шелестенью я весь внимаю,
Осенним сердцем прикован к маю,
Я их считаю, по ним гадаю,
 Я сплю не сплю.

Пути блужданий мне все известны,
И эти капли, они телесны,
Но не жестоки, но не бесчестны,

Я их люблю.

Я с ними в черном полночном храме,
Забыв друзьями, убит врагами,
Но не добитый, не в смертной яме,
Где буйству – тишь.

И мне лишь пряжа мечты с тоскою,
И шорох капель один со мною,
Часы чужие там за стеною,
И где-то мышь.

7 мая

В ПУСТЫНЕ

Бедой не покроешь беду.
В холодном лучистом бреду
Звезда окликает звезду.
Один я в пустыне иду.

Застыли в душе жемчуга.
Смешались в снегу берега.
Меж сосен, одетых в снега,
Дорога к врагу от врага.

Безбрежна бесчинная ложь.
Готовь мой отточенный нож.
Но, если он даже хорош,
Обман лезвием не убьешь.

Беда не покроет беду,
И я во вселенском бреду
Душою увидев звезду,
Всегда благовестия жду.

Несчетно разбрызгана кровь.
Но спит нерожденная новь.
И, если ты веришь в любовь,
Костер для себя приготовь.

Гори, расцветайся, и верь.
Ты выжжешь к грядущему дверь.
Из бездны является зверь.
Он в бездну уходит теперь.

14 мая

ЧАС БАРХАТА

Шелк золотой и багряный развеялся с песней вечерней.
Голос молитвы восходит к дрожанию затепленных звезд.
Топот коней при возврате в пространстве звучит равномерней.
Около темного замка подъемный окончился мост.

Ночь передумает много пред часом седым зачинаний.
Снова поднимутся копыта, ударят щиты о щиты.
Черный смиряющий бархат, сгустись в догоревшем тумане.
Благо душе человека, что есть и часы темноты.

21 мая

ЗЛАЯ СКАЗКА

Слева тянется кровавая рука.
Приходи ко мне и будет жизнь легка.
Слева тянется проклятой сказки ложь.
Приходи, от Сатаны ты не уйдешь.

Справа светятся обманно огоньки.
Справа нет тебе ни зова, ни руки.
Лишь один завет: Налево ни чуть-чуть.
И кладут тебе булыжники на грудь.

О, предтечи светлоокие мои,
Было легче вам в стесненном житии.
Раньше было все во всем начистоту.
А теперь из пыли платье я плету.

У меня в моих протянутых руках
Лишь крутящийся дорожный серый прах.
И не Солнцем зажигаются зрачки,
А одним недоумением тоски.

Я ни вправо, я ни влево не пойду.
Я лишь вежа для блуждающих в бреду.
Мир звериный захватил всю землю вплоть.
Только птица пропоеет, что жив Господь.

21 мая

НОЧНОЙ ПОЛЕТ

Ложится белый свет на крыши
От круглой мертвенной Луны.
Ночной полет летучей мыши,
Кривясь, меня уводит в сны
Невозвратимой старины.

Я был. Любил. Я жил. Когда-то.
Но майской ветке – час один.
Я знаю волны аромата.
Я также знаю скрепу льдин,
Когда в безбрежном ты один.

Но вот глухие льды пробиты.
Прошел вспененный ледоход.
Седые нежатся ракиты.
В своей норе проснулся крот.
Во всех страстях водоворот.

Лишь я один, любя безгранно,
Как чарой, скован тишиной.
И мне не странно, а желанно
Быть отделенной, в час ночной,
Летучей мышью под Луной.

21 мая

БЕЗЧАСЬЕ

Каждый день умножает ужас,
Каждый час умирает колос.
И беда, в полноте обнаружась,
В целый мир устремляет свой голос.

Но напрасны воззванья сердца,
И бесплодны призывы к чести.
Нет дороги к душе иноверца,
Мы родились, молились не вместе.

С миллионами душ злосчастье,
Миллионы в безумной тревоге.
От людей до людей безучастье,
И Земля позабыла о Боге.

24 июля, 1921

Бретань

ЗАПУСТЕНИЕ

Тридцатилетняя война
Была не более ужасна,
Чем власть, которая дана
Судьбой слепцам блуждать напрасно.
Вот за слепым поводырем
Спешит незрячая охота,
Как за невидящим царем
Тупые варвары без счета.
Кровавых нужно им добыч,
В соседстве с ними жизнь не дышит,
И кинь какой ты хочешь клич,
Слов разума их слух не слышит.
И не с рогатиной они,
Не па медведя, не на волка,
На тех, кто, мысля искони,
Не одного с лжецами толка.
Сто миллионов оплели
Кроваво-грязной паутиной,
Тысячелетний храм в пыли,
Века свершений взяты тиной.
Где от могучего Петра
Сверкало яркое наследство,
Теперь барсучья там нора
И с насекомыми соседство.
Где златоглавая Москва
Являла творческие силы,
Там стали все дома – хлева,
И каждый час растут могилы.
Где были желтые моря
Многозернистой пышной нивы,
Там смерть, с болезнью говоря,
Лишь эти две многоречивы.
Слепой паук все тянет нить,
Сплетает лживое витийство.
О, кто придет – убийц убить,
Чтоб, их убив, убить убийство!

27 июля

БЕСНОВАТЫЕ

На мысль есть мысль, на слово – слово,
На пламень – пламень, гнев – на гнев.
Но в человеке есть основа
Сдержатъ себя, перекипеть.

И с тем, кто мыслит вовсе розно,
И с тем, чье слово не мое,
Могу я слиться многозвездно
И, жизнь приняв, любить ее.

Но с тем, чье красноречье – пули,
Кто нож берет на довод мой,
Мне будет холодно в июле,
И душно будет мне зимой.

Но с тем, кто хочет лишь насилий,
Кто лжет в бездонность темноты,
Любая лошадь будет в мыле,
Не пробежав и две версты.

Но кто во всем лишь соглядатай,
И только чтит свой узкий лоб,
С тем бедный также, как богатый,
Найдет лишь нищенство и гроб.

И тех, кто знает лишь расстрелы,
С кем гнет и ржавчина цепей,
В людские не включай пределы: –
Кто Смерть призвал, тот будет с ней.

28 июля

ЗАБЫТАЯ ПРИТЧА

И был их легион, вошедших в одного.
Бесами мучимый, свиреп был бесноватый.
О камни бился он. Не слушал никого.
Тысячеглавый дух крутился в нем, рогатый.

Никто не в силах был безумца укротить.
В горах, в гробах кричал он с мощью исполинской.
Оковы разбивал, и цепи рвал как нить.
Но Некто был сильнее над влагой Гадаринской.

Увидев же Его, он кланялся Ему.
«Что до меня Тебе?», – воскликнул издалека.
Но Некто был сильнее, и сеющего тьму
Заклял Он выйти вон. Слепым грозило Око.

«Как звать тебя?», – спросил. – «Мне имя легион.
Мы бешенствуем здесь. Нам в том одна дорога.
Не мучай. Не гляди. Не высылай нас вон.
Сын Бога, дай нам быть. Дозволь во имя Бога».

И Он дозволил им, бесам, войти в свиней.
Свиные голоса слились в зверином хоре.
По взморью пробежал мгновенный пляс огней.
И стадо с крутизны всем грузом сверглось в море.

А тот, кто был свиреп и в душных жил гробах,
Сидел одет, умыт, и был в уме он здоровом.
Сквозь тьму двух тысяч лет прорвался новый страх.
Но Некто, кто сильней, ведет нас к новым славам.

29 июля

НЕИЗБЕЖНОЕ

Кто не со Мною, тот против Меня.
Не собирая со Мной, расточает.
Вышнего слушайте сердцем огня.
Дух наш предельную пытку встречает.

Древо познаешь всегда по плоду.
Тайности в час свой становятся видны.
Злыми как можете видеть звезду,
Если вы здесь порожденья ехидны.

Доброе, добрый выносит вовне.
Злой же выносит сокровище злое.
Зримы все ваши блуждания Мне.
Дух ваш как дно обнажился морское.

Где красовалась вся бездна морей,
В солнце песчаные мертвы пустыни.
Не исполняющий воли Моей
Волей Отца осуждается ныне.

Как был Иона во чреве кита
Меру трехночья и меру трехдневья,
Меру и ваша пройдет темнота,
Прежде, чем Бог снизойдет к вам в кочевья.

29 июля

АКТЕРЫ САТАНЫ

Растоптавшие Христа,
Умножающие гной,
Люди лающего рта,

Люди совести двойной.

В понедельник скажут «Да».
И во вторник скажут «Нет».
И повсюду и всегда
Превращают жизнь в скелет.

Лгут, что им желанен труд,
Пулей всем велят: «Молчи».
Как разбойники берут
И живут как палачи.

Сотни тысяч строят в ряд
Лишь затем, чтоб их убить,
Песьим лаем говорят,
Тянут дьявольскую нить.

Паутина Сатаны,
Волчьи ямы на пути,
Годы долгие должны
Будут этот сор мести.

И разгневалась Земля,
Распалится лютой зной,
Потому что из Кремля
В целый мир струится гной.

И разгневалась Судьба,
Потому что громоздить
Бесконечные гроба
Это дьявольская нить.

Это праздник Сатаны,
Коготь зверского ума,
Для растерзанной страны
Голод, казни, и чума.

Край, что был для стольких стран
Пышной житницей зерна,
В извержении вулкан,
Сквозь жерло не видно дна.

А незрячий мир кругом
Не поймет еще никак,
Что предельный грянул гром
И для всех ниспослан знак.

Апокалипсис раскрыл
Ту страницу, где в огне
Саранча со звоном крыл,
Бледный всадник на коне.

И великая страна,
Что узнала Божий бич,
Есть угрозный вопль со дна,
Есть последний к миру клич.

31 июля

Я РАД

Под камнем могильным давно мой отец,
Я рад, что он крепко заснул.
Его миновал остролистный венец,
Звериный не слышал он гул.

Под камнем могильным родимая мать,
Уснула и дремлет давно.
Я счастлив, что ей не пришлось увидеть,
Как грязно душевное дно.

Я рад, что они до последнего дня
На творческом были пути.
И к ним, из родимого дома гоня,
Слепец не успел подойти.

Я счастлив, что им не пришлось увидеть
Паучью удавную нить.
Скоту приказали их сад растоптать,
Велели их дом распилить.

И также за брата я рад моего,
Давно он в нездешней стране.
И если живу я, так лишь оттого,
Что смерть не приходит ко мне.

1 августа

БЛУЖДАЮЩАЯ ДУША

Ряды погасших солнц в безжизненных глазах.
Взамен веселия ликующей гордыни,
Сереют чахлые бестравные пустыни.
Колодезный зрачок, но в нем лишь мертвый страх.

Комки сухой земли в безумных волосах.
Вчера надменная и пышная, отныне
Она пугливо ждет прихода благостыни.

Но скуп стал человек, и в сердце мира прах.

Она склоняется. Молчат земные глыбы.
Погасла трав живых цветная узорочь.
Не явит ласку день. Не скажет тайну ночь.

Она идет вдоль рек. Все перемерли рыбы.
Я в пропасти иной. Но та же боль точь-в-точь.
И той родной душе я не могу помочь.

2 августа

СУМАСШЕСТВИЕ

Земля сошла с ума. Она упилась кровью,
Пролившей бочками. Нет, даже винный склад,
Где втулки вырваны, и вин багряных яд
Пролился на сто верст, и ввергнул в долю вдовью

Два миллиона жен, и черно-красной кровью
Явил поля кругом бурлящий водопад,
Не в силах намекнуть на тот безмерный ад,
Что дух творит людской, предавшись прекословью.

Слова все сказаны. Они бродячий труп.
Где вынута душа, там только привиденье.
И лишь змеиный глаз. И только ведьмин зуб.

Дух благостный засох. Сгорели все растенья.
И если есть еще движенье жестких губ,
Молись, чтоб колос встал из бездны запустенья.

4 августа

ХЛЕБА НЕТ

Есть хочется. А хлеба нет.
Я это знал в Москве забытой,
В Москве когда-то именитой,
Где саранча бесовской свитой,
Засев, сидит уж много лет.
Я голоден. И хлеба нет.

Работаю. Чуть брезжит свет.
Работаю. Изнемогаю.
Терпенью пленника нет краю.

Надеюсь. Жду. Томлюсь. Сгораю.
Метелью занесен мой след.
Я есть хочу. Но хлеба нет.

Последний дорогой предмет
Давно уж продан лиходеям.
Опутаны бесовским змеем,
Мы стынем. Низимся. Немеем.
Ничей к нам не дойдет привет.
И голодно. И хлеба нет.

А тут же рядом тот же бред.
Жена. Сестра. И мать. И дети.
В одной холодной жалкой клетки.
В тисках единой цепкой сети.
Я в теле чувствую скелет.
Хоть корку хлеба. Хлеба нет.

4 августа

К БРАТЬЯМ

Я Христа в мучениях не видел.
Я устал бродить по всем векам.
Но пойму прощение к врагам.
Помогите тем, кто вас обидел,
Этим серым темным мужикам.

Сколько из них грабеж свершили.
Сколько убили. Или все?
Час был враг и правде и красе.
В них века метнули вихрем пыли.
Не взошел посев на полосе.

И они ли были нам врагами?
Не они, а те, чья мысль – вертеп,
Кто для Бога всей душой ослеп.
Размягчим наш дух в родимом храме,
Жизнь да будет там, где ныне склеп.

4 августа

ВОЗМЕЗДИЕ

Когда глашатай грабежа и казни
Сказал толпе: «Награбленное грабь!»),

Он плыл в ладье, едва качала рябь,
И с бурею играл он без боязни.

Но слишком много было в том соблазне.
Раскрылась глубже дьявольская хлябь.
И он напрасно говорил: «Ослабь!» –
Тем духам, с кем он в темной был приязни.

Из самой Преисподней Сатана
К нему пришел. Крепка была подмога.
И разлилась кровавая дорога.

И тянется. Еще не свершена,
Но он сполна узнает силу Бога.
В свой час он выпьет кубок свой до дна.

4 августа

В НЕСОСЧИТАННОМ

Мы в Несосчитанном. В немом Неисчислимых.
В Непредусмотренном. Лань не предвидит льва.
Его предчувствует чуть-чуть, пока жива.
Но когти, пасть, прыжок, все это где-то в дымах.

А дым восходит вверх из жерл всегда палимых.
Есть где-то там внизу такая голова,
Полмира – мера ей, и клык – ее слова,
И путь ее – пробег в полях необозримых.

Кто хочет распознать сполна ее судьбу,
Тот должен развернуть такой папирус старый,
Где каждая строка есть кровь и злые чары.

Он должен много раз живой побыть в гробу.
Мы схвачены врасплох. Мы втянуты в пожары,
Не вняв, что Ангел Бездн дохнул в свою трубу.

7 августа

НАБАТ

Лишенный Родины, меж призраков бездушных,
Непонимающих, что мерный мудрый стих
Всемирный благовест средь сумраков густых,
Один люблюсь я на звенья строк послушных.

Они журчащий ключ во днях пустынно-душных.
В них сговор солнц и лун для праздников святых,
Веселый хоровод из всплесков золотых,
В них грозный колокол для духов двоедушных.

От звуковой волны порвется злая сеть.
Качнувшись, побегут в пространство привиденья.
Все дальше, дальше, прочь от грозового рденя.

А бронза гулкая и стонущая медь,
Возникши в воздухе глаголом осужденья,
Продлят свой долгий гуд, веля Судьбе – греметь.

12 августа

ЛАВИНА

Храня молчание, гигантская лавина
Проходит местности, где смерть и нищета.
Сто тысяч ртов сухих. Во взорах темнота.
Сгоревшие поля. Сожженная равнина.

Ни одного снопа для темного овина.
Нет больше колоса. Бесплодье. Нагота.
Забыть закон людей. Забыть закон Христа.
Один закон: Бежать. Что дальше, – все едино.

Идут, идут, идут. Они должны идти.
Кто пал под тяжестью, добыча он канавам.
И будет там лежать на дне зловеще-ржавом.

А если встретят что живое на пути,
Нахлынув, разгромят в своем хотеньи правом: –
В необходимости хоть что-нибудь найти.

12 августа

КТО?

Кто качнет завесу гробовую,
Подойдя, раскроет мне глаза?
Я не умер. Нет. Я жив. Тоскую.
Слушаю, как носится гроза.

Закрутилась, дикая, пожаром,

Завертелась огненным дождем.
Кто велит порваться темным чарам?
Кто мне скажет: «Встань. Проснись. Пойдем»?

И поняв, что выгорела злоба,
Вновь я буду миру не чужой.
И, дивясь, привстану я из гроба,
Чтоб идти родимою межей.

26 августа

ТРИ ЗАКЛЯТИЯ

Я пошел за свежей водой.
Я дошел до двери запертой.
Оковала дом глухая ночь.
Не могу я жаждущим помочь.

Я пошел, чтоб хлеба принести.
Но собака злая на пути.
Говорит мне громким лаем: «Прочь!»
Не могу голодным я помочь.

Я пошел искать во тьме свечи.
Но в замках ломались все ключи.
И, хоть вижу, как сова, сквозь ночь,
Не могу невидящим помочь.

30 августа

МАРЕВО

Мутное марево, чертово варево,
Кухня бесовская в топи болот.
Эта земля, говорят, государева?
Царский ли здесь, не исподний ли плод.

Дымное яблоко шаром багрянится,
Ткнешь в него, – вымахнет душный огонь.
Яблоко пухнет, до неба дотянется.
Небо уж близко. Но неба не тронь.

Тронешь, – уходит. Шатнулось провалами.
Адское яблоко стало как гриб.
Низится, пляшет порывами шалыми.
Вправо и влево захват и загиб.

Вот покатилося полями, равниною, –
Выжжено поле, равнина суха.
Малые дети питаются тиною,
Взрослым достались объедки греха.

Только в болотах похлебка есть мутная.
Голод с большими глазами идет.
Скачет бессонница, ведьма беспутная,
Ищет на ужин куриный помет.

Снова раскрасясь густыми румянами,
Яблоко пухнет пышней и грузней.
Мечется шаром над мертвыми странами.
Мутное пламя на тысячу дней.

6 сентября

ПОЕДИНОК

Долго я лежу на льду зеркальном,
Меряю терпением своим,
Что сильнее, в сне многострадальном,
Мой ли жар иль холод-нелюдим.

Льдяной холод ночи предполярной,
Острый ветер, бьющий снежной мглой.
Но, как душный дух избы угарной,
Я упрям и весь в мечте былой.

Думаю на льду о том гореньи,
Что зажгло меня в веках костром,
Выявилось в страсти, в звонком пеньи,
Сделало напев мой серебром.

Велика пустыня ледяная,
Никого со мною в зорком сне.
Только там, среди звезд, одна, родная,
Говорит со мною в вышине.

Та звезда, что двигаться не хочет,
Предоставя всем свершать круги,
В поединке мне победу прочит,
И велит мне: «Сердце сбереги».

И, внимая тайным алым пляскам,
Что во мне свершаются внутри,
К синим льдам, как в царстве топей вязком,
Пригвожден, хоть стыну, жду зари.

Ходит ветер. Холит вьюгу,
Льды хрустят. Но вышний воздух тих.
Я считаю годы и минуты,
И звезде слагаю мерный стих.

10 сентября

НИТЬ

Закрой глаза, и будет ночь,
Раскрой глаза, и будет день.
Гони мечтой все тени прочь,
И в пурпур жизнь свою одень.

Не подчиняйся ни векам,
Ни черным дням, случайно-злым.
Мы вечно к светлым берегам
Плывем, и горе наше – дым.

На ткацком бешеном станке,
Издrevле, в пряже грязь и кровь.
Но светлой ткани вдалеке
Ты нить из света приготовь.

Когда кипит лесной пожар,
Густой пожар в сто дней пути,
Как нам искать цветочных чар,
Как красных ягод нам найти.

Но вот, хоть силен был поджог,
Хоть с четырех, со всех сторон,
Он все же леса сжечь не мог,
И снова сосен нежен звон.

И все пожарища веков
Кончались шелестеньем нив.
Заря придет, лишь будь готов,
И в грозной бездне будь красив.

10 сентября

В ПРЕИСПОДНЕЙ

Сорвавшись в горную ложбину,
Лежу на каменистом дне.

Молчу. Гляжу на небо. Стыну.
И синий выем виден мне.

Я сознаю, что невозможно
Опять взойти на высоту
И без надежд, но бестревожно,
Я нити грез в узор плету.

Пока в моем разбитом теле
Размерно кровь свершает ток,
Я буду думать, пусть без цели,
Я буду звук – каких-то строк.

О, дайте мне топор чудесный –
Я в камне вырублю ступень,
И по стене скалы отвесной
Взойду туда, где светит день.

О, бросьте с горного мне края
Веревку длинную сюда,
И, к камню телом припадая,
Взнесусь я к выси без труда.

О, дайте мне хоть знак оттуда,
Где есть улыбки и цветы,
Я в преисподней жажду чуда,
Я верю в благодать высоты.

Но кто поймет? И кто услышит?
Я в темной пропасти забыт.
Там где-то конь мой тяжело дышит,
Там где-то звонок стук копыт.

Но это враг мой, враг веселый,
Несется на моем коне.
И мед ему готовят пчелы,
И хлеб ему в моем зерне.

А я, как сдавленный тисками,
Прикован к каменному дну.
И с перебитыми руками
В оцепенении тону.

12 сентября

РЕКА

Я шел в ночи пространствами чужими,
Полями, виноградниками, вдаль.

Моя душа была как в едком дыме,
Меня вела незрячая печаль.

Я потерял, давно и безвозвратно,
Желанных снов раскидистый узор.
Чужая ночь дышала ароматно,
Не с ней вступал я в детстве в договор.

Не этих звезд мне ворожили звенья,
Я потерял в путях свою страну.
Прилив ушел, и я, как привиденье,
Средь раковин морских иду по дну.

Я проходил уснувшие деревни,
Я слышал полусонный лай собак.
И тайный голос, точно тени древней,
Меня манил, давая мысли знак.

Я шел как раб магического слова,
Перекликались в воздухе века.
И вот пришел к черте пути ночного,
Пресекла шаг широкая река.

И вдруг в душе, на берегу высоком,
Забилось что-то ласково-светло.
Каким необозримо-долгим сроком,
Слагалось это емкое русло?

Какие числа скольких здесь усилий
Сплетали пляску капель в звездный счет?
Но ход ключей, сочась в земной могиле,
Пробился вверх, в веках река течет.

Я шел домой. И после пытки знойной
Вернулся, не жалея ничего.
И, наклоняясь над дремлющим, спокойный,
Поцеловал ребенка моего.

16 сентября

НОЧЬЮ

Ночью, к утру, мне не спится,
Думы темные томят.
То не может измениться,
Что в душе скопляет яд.

Нет, не Божье дуновенье
Над планетою Земля,

А исподних духов рвенье,
Кровью залиты поля.

Не Господнее влиянье,
Брат для брата лютый зверь.
Темной чары обаянье
Было встарь, и есть теперь.

Я лежу испепеленный,
Догорая как смола,
Но не тихий, но не сонный,
А взметенный в бездне зла.

Я прикован к мертвой глыбе,
В сердце взявший семь мечей,
Я раскинутый на дыбе
Под рукою палачей.

Я горю в бореньи трудном,
Напрягаю жадный слух.
И пронзенно, гласом судным,
В темноте поет петух.

К новой боли неумной
Вмиг уводит этот звук.
Вот он, крест из бездны темной,
Гвоздь готов для ног и рук.

Мрак духовный – злой кудесник,
Жутки тайны бытия.
Самый добрый благовестник
Был лукавая змея.

Петр, чье имя – крепкий камень,
В час, когда пришла черта,
Погасил свой лучший пламень,
И отрекся от Христа.

Так скорблю, изнемогая.
Но внезапно, в тишине,
Бледный призрак, мать родная,
Наклоняется ко мне.

Из пределов отдаленных,
Путь свершив, пришла опять.
Принесла цветов мне сонных,
В каждом звездная печать.

И немедля, как ребенок,
Всхлипнув раз и два, я сплю.
Луч прядется, бел и тонок.
Как я этот свет люблю.

Только Мать нам не изменит,
Уведет бессонных к сну.
Буря в Море горы пенит,
Я плыву и не тону.

17 сентября

НОЧНАЯ ПЛЯСКА

Их было триста, привидений,
И шестьдесят еще, и пять.
И я, ночной дождавшись тени,
Вмешался в раут их опять.

Чтоб не нарушить этикета,
Надел я саван из холста.
И в зыби факельного света
Кругом плясала темнота.

Спина к спине, лицом в пространство,
Плясали духи, семь и семь.
И выявляла их убранство
Огнем пронизанная темь.

Как будто диво-дровосеки,
Что рубят лес без топора,
Те женщины, те человеки,
Что были живы лишь вчера.

Как бы ткачи незримой ткани,
И отощавшие жнецы
В кроваво-пляшущем тумане
В невольной пляске мертвецы.

Плясать им не было отрады,
И все ж плясал их бледный круг,
И вились волосы как гады,
И загнулись крючья рук.

И дух один, дугою руки,
На коже грузного быка,
На барабане сеял звуки,
Диктуя скоки трепака.

И дух другой – на тени
Вел наступательной войной,
И для плясавших привидений
Вливались в чан и кровь и гной.

И третий дух – по черствой корке
Бросал теням из темноты,
И, как у раковины створки,
У них приоткрывались рты.

И тени с ужасом кружили
Непрерывающийся пляс.
Не подчиняясь звездной силе,
Не двигался тот жуткий час.

Та сатанинская затея
Все длила ход свой в диком сне.
Вдруг ощутил я, холодея,
Что саван мой прилип ко мне.

И, бросив ту, с кем был я в пляске,
В полях, где не видать ни зги,
Я убежал из страшной сказки,
И слышал сзади бег Яги.

Я в жизни вновь, в часах, в их смене,
Я на цветущем берегу.
Но, отойдя от привидений,
Сорвать свой саван не могу.

21 сентября

НАВАЖДЕНИЕ

Каждый день напрасно трачу силы,
И, едва пробьет полночный час,
Из меня вытягивают жилы
Дьяволы с пожаром в глуби глаз.

Окружат и смотрят молчаливо,
Пусть я вижу, как в глазах у них
То горит, чем мысль была счастлива,
Весь восторг надежд и снов моих.

Так стоят до самого рассвета,
И в пожаре глаз их вижу я,
Что во власти их зима и лето,
И что правит душами Змея.

22 сентября

ТРИ УПРУГА

Три стройных мачты, три упруга,
Над палубой как три ствола.
Они в ветрах крепят друг друга,
В затишье смотрят в зеркала.
И в вихрях Севера и Юга
Их манит молнийная мгла.

Перешепнулись парусами: –
«Войдем в морские чудеса».
Проплыли даль под небесами,
И сохранилась их краса.
От трех упругов над волнами
Упругой воли голоса.

27 сентября

РОССИЙСКОЕ ДЕЙСТВО

Переключал хитрый Бесище
Благомысленных людей,
Заманил на перевесище,
Там, где место для сетей.

И, глазами лупоглазыми
Легковерных осмотрев,
Бил их лютыми проказами,
Изрыгнул свой ярый гнев.

С парусами и упругами
Разлучив, припрет к земле,
Да вовек пребудут слугами
Утопающих во зле.

27 сентября

ПРОКЛЯТАЯ СВАДЬБА

Я устал молиться детски Богу.
Как могу прочесть я «Отче Наш»?
На большую выгнан я дорогу,
В час, как гости пьют из брачных чаш.

А моя желанная, Невеста,

В шутовской одетая наряд,
Рядом с палачом имеет место.
И молчит. И мысли в ней болят.

Ворожкой затянута злою,
Помнит ли еще она меня,
В час когда играет буря мною,
В миг когда я падаю, стена?

Пред гостями нечестивой свадьбы
Соловьями женщины поют,
Чтобы им светить, горят усадьбы,
Города, деревни пламень льют.

И пока в чертоге, в красках алых,
Песни, смех, и пляс, и пьют вино,
Убивают пленных там в подвалах,
В красном доме черное есть дно.

А Невеста мутными глазами
Смотрит, как меняется черед,
Как ряды танцуют за рядами,
И сама себя не узнает.

Вкус узнав истоптанного праха,
Зрением двойным я с ней в бреду.
Ветер пыльный бьет в меня с размаха.
Я иду. Я падаю. Иду.

27 сентября

КРАСНЫЕ КАПЛИ

Красные капли, ушедшие в Русскую землю,
Красные капли, до времени павшие в прах,
Ночью беззвездной я голосу вашему внемлю,
Как вы бежите, поете о злых временах.

Каждая капля слилась с безграничным потоком,
Каждая капля блюдет в переплеске черед,
Каждая капля глядит упрекающим оком,
Каждая капля о порванной жизни поет.

Ночью безлунной я красные капли считаю,
Ночью беззвездной мне странная песня слышна,
Тенью глядящей хожу по далекому краю,
Слышу, как капли звенят, упавая до дна.

Красные капли, упавшие в Русскую долю,

Если б хоть знать, что когда-нибудь вспыхнете вы
Свежим расцветом по Русскому лугу и полю,
Жертвенным цветом, глядящим в простор синевы.

1 октября

ЗАСНУВШИЙ СТРАХ

Он задремал. Раскинулась широко
Страна, где много обмелевших рек.
И правое закрыто плотно око,
А левое белеет между век.

Зрачки не видят. Слух тупой не слышит.
В кровавом сердце черно-красный пляс.
Как волк во сне, прерывисто он дышит,
И новых жутких сказок зреет час.

Под серым прахом много смертных впадин.
Там в каждой труп червям закабален.
Заснувший страх жесток и плотояден.
Он ест тела. Он ест и тень имен.

Лишь за одно название, за имя,
За мысль, за призрак мысли, будь в земле.
Сгорело много тысяч в едком дыме,
Упало много тысяч в красной мгле.

Есть области, где волей злого страха
Людьми кормили рты холодных рыб.
Другими – псов, дав трупам мало праха,
Средь взрытых изнасилованных глыб.

И в час, когда я мертвенные звоны
Влагаю в этот мерный ток стиха,
В аду голодном меркнут миллионы,
К ним смерть идет, хоть нет на них греха.

А страх, заснув, боится лишь минуты,
Когда, по воле Солнца, дрогнет тьма.
И, новых лжей, во сне, свивая путы,
Чужие исчисляет закрома.

Благая Воля, ужас был в избытке.
Терзаемых от гибели избавь,
И прекрати невыносимость пытки,
Где явь есть сон, и страшный сон есть явь.

7 октября

ЗАБЫТЫЙ

Я в старой, я в седой, в глухой Бретани,
Меж рыбаков, что скудны, как и я.
Но им дается рыба в Океане,
Лишь горечь брызг – морская часть моя.

Отъединен пространствами чужими
Ото всего, что дорого мечте,
Я провожу все дни как в сером дыме.
Один. Один. В бесчасьи. На черте.

Мелькают паруса в далеком Море.
Их много, желтых, красных, голубых.
Здесь краска с краской в вечном разговоре,
Я в слитьи красок темных и слепых.

Мой траур не на месяцы означен,
Он будет длиться много странных лет.
Последний пламень будет мной растрочен
И вовсе буду пеплом я одет.

И может быть, когда туда, где ныне
Бесчинствует пожар бесовских сил,
Смогу дойти, лишь встречу прах в пустыне,
Что вьется в ветре около могил.

И может быть, мне не дождаться мига,
Когда бы мог хоть так дойти туда,
Приди же, Ночь, и звезд раскройся книга,
Побудь со мной, Вечерняя Звезда.

9 октября

В ЧЕРНОМ

На деревне, далеко, прерывный напев петухов.
Скоро будет к заутрени благовест литься тягучий.
Я устал размышлять о сплетеньи лучей и грехов,
Как ни есть, я таков. Я в не слышащем мраке певучий.

Помолиться хотел. Я не знаю молитв никаких.
Отче Наш. Богородица. Детская. Светы лампадки.
А откуда же посвисты вражьи набегов лихих?
Будет детям в беде только Мачеха строить загадки.

Загадает, как можно волков накормить, сохранив
Серебристых ягнят. Как построить твердыню из праха.
Как поднять золотые колосья растоптанных нив.
Как убийство убить, не коснувшись всеокого страха.

Я горю и не сплю. Неоглядна бездонная ночь.
Колокольная медь задрожала растущей силой.
Всескорбящая Мать, или ты мне не можешь помочь?
Дай увидеть твой взгляд, и в мгновениях черных помилуй.

9 октября

ЗАКОЛДОВАННАЯ ОБЛАСТЬ

В жерле, где лгушие куют терзанья честным,
В берлоге ужасов, застенков, и химер,
В вертепе огненном тысячеверстных мер,
Просторном – для беды, и для благого – тесном,

Я зрением двойным, я чувством бестелесным,
Брожу среди людей различных дум и вер,
Но всюду – край тоски, который тускло-сер,
Он унижением окован повсеместным.

Как в сказке детских дней, там всюду волчий глаз.
Там волчьи ямы есть, но для людей ходящих.
Там ходит дух людской кругами в темных чашах.

Там мера времени – облитый кровью час.
И волей демонов, личиной ворожащих,
Там смертью пишется неконченный рассказ.

15 октября

ДВОЙНОЕ ЗРЕНИЕ

Двойное зрение рождается лишением,
Тюрьмой, терзанием, умением молчать,
Решеньем наложить на много чувств печать,
Сознаний вековых внедряемым внушеньем.

Созвездных сил ночных законченным круженьем,
Сознанием явственным, что можно топь и гать
Творящей волею в пути пересоздать,
Не дав своей мечте идти слепым броженьем.

Но более всего, о, более всего,
Двойное зрение дает душе разлука,
О милых брошенных забота, мысль и мука.

Вот, я закрыл глаза. Не властно вещество.
Чрез десять тысяч верст я слышу зыби звука.
И там, где в пытке брат, я около него.

17 октября

БЕЗДНА

От бездны к бездне клич. Но где ж другая бездна?
Я вижу лишь одну. В ней грязно-красный цвет.
Крутятся, вскипает, муть, не год, а много лет.
Какой угодно клич стремить к ней бесполезно.

Она безжизненна, свинцова и железна.
Ей презрен целый мир. Возненавиден свет.
Клеймо звериных чувств и воровских примет.
Лишь «Грабь» и «Убивай» – в ней эти два – созвездно.

Пятирогатая кровавая звезда.
Все, что не я, сотри. Всем, кто не я, возмездье,
И гибнут области, деревни, города.

Земля не хочет цвезть. В реках гниет вода.
Когда ж иных огней зажжется семизвездье,
И муть бесплодная сотрется навсегда?

17 октября

МЫСЛЬ

Я брошен был врагами в львиный ров,
Но львы, придя, меня не растерзали,
Они, ласкаясь, ноги мне лизали,
И синий свет, прекрасен и суров,

С небес, из распахнувшихся шатров,
Сошел ко мне, я был в высоком зале,
И звезды ожерелье мне низали,
Чтоб мир души был мерой всех миров.

И снова, за грядой тысячелетий,

Низвергнут я в берлогу, чтоб скорей
Погибла мысль от челюсти зверей.

Но в паруса я обращаю сети.
И в красный цвет играющие дети
Моих не остановят кораблей.

18 октября

ТАМ

Ты говоришь мне, почему
Я не в напеве предвещанья
О том, что вечных зорь венчанье,
Пронзить сцепляющую тьму?
Я знаю высшее звучанье,
И этот дар, как никому,
Мне дан, быть может, одному.
Но леденит меня молчанье.

В краю, где длится лир врагов,
Где ткут из сгустков крови ткани,
Нет, в долгом звяканьи оков,
Не изнасилованных слов,
Не изуродованных зданий,
И не растленных обещаний.

18 октября

СЛЕДОПЫТ

В глухую загнанный трущобу,
В незрячей темно-серой мгле,
Как труп в гробу, припавший к гробу,
Я, следопыт, припал к земле.

И ясно слышу отдаленный
Неисчислимый ход людей,
Толпой идущих, разъяренной
От бешенства слепых страстей.

Страстей, пожаром трепетавших,
И долго ждавших, вековых,
Но в силе взрывчатой упавших,
Как сонмы глыб, на них самих.

И, от лавины убегая,
Забыв, что значит благодать,
Она бежит, толпа слепая,
Но больше некуда бежать.

А тот, кто загнан был в трущобу,
Он должен медлить в мертвой мгле,
К своей тоске прильнув как к гробу,
Бесплодно жалуясь земле.

21 октября

ТОПОР

Светлый, меткий, и тяжелый,
Заходил топор сам-друг.
Щепки носятся как пчелы,
Сосчитать их недосуг.

Много зим, и много весен,
Был схоронен мой топор.
И стволы дубов и сосен
Расширяли свой убор.

Не в могиле был он, сильный,
А в запрете, в тишине.
Так, в углу, валялся, пыльный,
И косился он ко мне.

Но запреты – где запреты?
Но законы – где закон?
Эти песни все пропеты,
И в лесах и гул и стон.

Только бешеный он, верно,
Этот пьяный мой топор.
Раньше он рубил примерно,
А теперь лишь сеет сор.

Остудился дальний город,
И в деревне не теплей.
Лишь, подняв свой волчий ворот,
Ходит холод-лиходей.

30 октября

НАВОРОЖЕННЫЙ СОН

В лазури, бледной как вода,
Тринадцать дисков, череда,
Зеленоватая слюда
Дала зеркальные блюда.

Замерзлый в каждом блюде свет,
В них воздух сказок и примет,
Остудевающий расцвет,
Какой-то знак, чего-то след.

На каждом блюде голова,
Отрублена, полужива,
Полужива, полумертва,
Глаза белеются едва.

У тех скользящих в небосводе,
У всех голов замкнутый рот,
Зловеще-круглый хоровод
В полярном холоде плывет.

Тринадцать пыток, череда,
В лазури, тусклой как вода,
Зеленоватая слюда.
На дне зеркальном кровь-руда.

30 октября

ЗЛОЙ СОН

Мы – мысль страны, которая несчастна,
Мы – мозг ума, сошедшего с ума.
В злых чарах, там, где черны терема,
Костер последний, тлеющий безгласно.

Вот брызнет ночь пригоршню мрака властно,
Дохнет, от вех злосчастия, чума,
Войдет мороз в пустые закрома,
И хор безумий грянет полногласно.

«Летим по обездоленной стране!»
«Скользнем по свежим хлопьям первопутка!»
«Убьем! Возьмем! Там все в глубоком сне!»

Мы слышим хор видений в тишине.
Мы, мозг умалишенного рассудка,
Скорбящий светоч, в пропасти, на дне.

15 ноября

ВИДЕНИЕ

Серый волк из угрюмой, давно прозвучавшей нам, сказки.
Ты по-прежнему воешь в промерзлых пустынных лесах.
На деревню зайдешь. Но не так. Без бывалой опаски.
Сатанинские свечи пылают в звериных глазах.

Ты добычу найдешь. Все деревни баранами скупы.
И угнали коней. И корова, – где встретишь ее?
Но желанны для волка людские, хоть тощие, трупы.
То, что он не доел, – налетит, доклюет воронье.

Пожимаясь в лохмотьях, уходит седая Забота.
Побелевшие щеки. Исканье во впалых глазах.
И с клюкою вослед пробирается призрачный кто-то.
Это Смерть? Или Совесть? Убийство? Отчаянье? Страх?

Перекинулись тени в глаза, где расплескано горе,
Не из глаз подоспевших, безглазых назойливых ям.
Обнялись. Зашагали вдвоем в оскудевшем просторе,
По немым косогорам, по брошенным мертвым полям.

Вот усадьбу прошли, где в разбитые окна метели
Набросали снегов. Настелили постели. Поспи.
И уходят вперед по крутящейся снежной кудели.
От сугроба к сугробу. В лесах. В пустырях. На степи.

Миновали деревню. Другую. Село миновали.
Нет людей. Нарастанье отверженных брошенных мест.
И на каждую дверь подышали в безмолвной печали.
Где дохнут, там означится, белой проказою, крест.

Утомило безлюдье. Прискучило мертвое дело.
Завертелись в снегах две метели беды мировой.
А Луна в высоте – словно лик из застывшего мела,
Словно глаз мертвеца, – приоткрыт, но давно неживой.

17 ноября

КАМНЕГРАД

В размеренном четком Камнеграде,
Где ждет чеканный лик Петра,
Когда же кончится игра

Безумных, захмелевших в чаде,
Людей ничтожных, без Вчера,
Без Завтра, – ком, где гад на гаде, –
В гранитном строгом Камнеграде
Зимой суровы вечера,
Еще суровой ночь без света,
В домах, где позабыта печь,
Как вольная забыта речь,
Все холодом седым одето,
И голод спит в капканах тьмы,
А лунный луч, как саван белый,
Нисходит в Град оцепенелый,
Сжимая в кандалы зимы
Давно застывшие умы.
Я мыслью прохожу по строгим
Знакомым улицам. Но Зверь,
Его же имя: «Лгушим верь»,
Все сделал мертвым и убогим.
Убийство правит там теперь.
Лазутчик всюду наготове,
Чтоб, заскрипев, раскрылась дверь
И снова пала тяжесть крови.
И снова Сатанинский меч,
Всегда несытый и кровавый,
Все будет жертв алкать, стеречь,
И похваляться той забавой,
Где правым тешится неправый,
Злодей к продажным держит речь,
А проходя от дома к дому,
В домах, где позабыта печь,
Немой идет как тень к немому,
Живые люди мертвых встреч.

В душе, в том внутрезорком взгляде,
Что достигает до светил,
Всегда живет в созвенном ладе,
Что сердцем зорко полюбил
За красоту творящих сил.
В душе я мысль о Камнеграде,
Тоску о нем не погасил.
В душе набат. В ней вопль об Аде.
И звук псалмов. И звон кадил.
Твердыня с мощностью стропил,
С устоем скреп. Создание воли.
Рисунок гения в веках,
Где каждый шаг – исход из боли,
Умом преображенный прах,
Где каждый дом – крылатый взмах.
Не город, а напев гранитный,
Всей нашей гордости кудель,
Всей нашей славы колыбель,
Узор, с которым в дружбе слитной

Золотоглавая Москва.
Столица, глянувшая в Море,
Где внепредельна синева,
Где, с духом смелым в договоре,
Даль уводящая жива.
Столица – мысль, где стержень – Невский,
Венчалась с Пушкиным Нева,
Где высочайшие слова
Сказал сразитель вещества,
Коперник духа, Достоевский.

Пришел неотвратимый час,
Скрещение, во вражьей встрече.
Тысячелетних семиречий,
Чьи розны русла, чей рассказ
Еще не кончен и сейчас.
Но вы, зловещие предтечи,
Вы, чей бесовский спутник – страх,
У подходящего предела
Творите мертвое вы дело,
Вы злая воля на весах.
Бесам возбранено зачатъе.
И в перекатных голосах,
В грядущем, в видящих глазах,
Один вам приговор: Проклятье.
В беду наворожив свой сглаз,
Начав преступную дорогу,
Вы пропасть кликнули в подмогу,
И пропасть всех поглотит вас.
Вселенная живет не ради
Пролитья крови, как потоп.
Знак духа – побежденный гроб.
И в возрожденном Камнеграде
Не коршун, расширяя зоб,
Кичиться будет над пустыней,
Всю землю превращая в склеп.
Я вижу вновь его твердыней
С двойным устоем прочных скреп.
Обильной будет вновь природа,
Узнав, что труд опять творец.
На вече мыслей и сердец,
В бреду зачатая, свобода
Возникнет вольной наконец.
И, камень взяв рукою верной,
Лелея замысел размерный,
Ваятель поведет резец.
И корабли в лазурном поле,
В сафире, полном серебра,
Вскрылят напев: «Давно пора!»
Во исполненье вещей воли,
В веках чеканного, Петра.

6 декабря

ЧЕРТОВ ЦВЕТ

На избушке петушок
Скрип заводит бесполезный.
Красный вздыбля гребешок,
Внемля свисту долгий срок,
Песней тешится железной,
Перевертыш, лжет над бездной.

Под избенкой косогор,
А в избенке зоркий вор,
Плуг-мужик, детина ражий.
Лыки драл он с давних пор,
Лапти делал для продажи,
А еще гадал на саже.

Год гадает, а петух
Зря скрипит и дразнит слух,
Ничего не выходило.
Все же силен вражий дух,
Все же вору вражья сила
«Будешь барин!» говорила.

И прошло немало лет,
Распалился чертов цвет,
В саже – кровь и уголь ярый.
Черный красным разодет.
Все разгромлены амбары,
Взорван жар, горят пожары.

Кровь потоком пролилась,
Льется каждый день и час.
Черный красным размалеван.
Глаз бесовский – лютый сглаз.
Скачет вор, как заколдован,
К пляске дьявольской подкован.

Только видит – толку нет.
Много хвастал чертов цвет,
Посулился уголь ярый
Дать богатство и совет,
И на кляче сухопарой
Гонит к барщине он старой.

Всюду слышен волчий рык,
Темный – к тьме прикован лик.
И поет петух железный,

Что бесовский цвет поник,
И в торговле – бесполезной
Тот, кто торг затеял с бездной.

11 декабря

ЖЕЛЕЗНЫЙ АРКАН

Злорадный круг был крепко спаян,
И звенья новые ковал.
Непримиримость – прочный вал.
В тысячелетьях силен Канн
Лишь тем, что в мерном – чрезвычайен,
Разбрызгав цвет, который ал,
Желал, истинно желал.

Что царству скрепа – в сгустках крови,
Открылось мысли не вчера.
Сильна бесовская нора.
Есть зов для сердца в диком лове.
И, нож имея наготове
Для всех, чья греза – путь добра,
Все знают злые: Их – игра.

Тьма не забыла Тамерлана.
Его бесовский выслал ров
Для красно-огненных пиров.
Но тот, в ком сердце ныне пьяно
От красноцветного обмана,
Забыл, что скипетр злой не нов
Над пирамидой черепов.

Отбрось мечту к Средневековью.
Там строила другая тьма
На крови прочные дома,
«Молчи», сказавши прекословью,
Обрызгать новый замок кровью, –
На свежем трупe терема, –
Вот мысль, где пляшет Смерть сама.

Но эти скрепы – нет, не скрепы,
И однозвучный Тамерлан
Лишь краткий в сне времен туман.
И замки, чья основа – склепы,
Для тех, кто строит их, – вертепы,
Где косоликий истукан
Хранит лишь час бесовский сан.

Мертвящий круг, аркан железный,

Где каждый вольный разум нем,
Где выкован ошейник всем,
Распаян волей вечной Бездны,
Где против тьмы есть витязь звездный,
Что, давши духу светлый шлем,
Велит, чтоб стала тьма – ничем.

11 декабря

Печатается по: Бальмонт К. Д. Собрание сочинений в 7 тт. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. Т. 4.

Сформатировано на <http://rusilverage.blogspot.com/>